

УДК 811.161.1'42

ББК Ш141.2-7

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

О. Н. Кондратьева

Кемерово, Россия

**КОНЦЕПТ «ДУША» В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
(к истокам формирования концепта)**

АННОТАЦИЯ. *На примере текстов А. Курбского, посвященных Ивану Грозному, рассматривается специфика функционирования концепта «душа» в политическом дискурсе русского Средневековья. Превалирует метафорическая репрезентация концепта, описываются основные метафорические модели и сферы-источники, эмоциональная нагрузка метафор, отражающая авторское отношение к «великому князю Московскому».*

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *концептуальная метафора; политический дискурс; лингвокультура; Средневековье; внутренний мир.*

O.N. Kondratieva

Kemerovo, Russia

**CONCEPT "SOUL" IN POLITICAL DISCOURSE
(to the sources of concept formation)**

ABSTRACT. *On the basis of the texts by A. Kurbsky, devoted to Ivan the Terrible, specificity of the functioning of the concept "soul" in political discourse of Russian Middle Ages is discussed. Metaphoric representation of the concept prevails, central metaphorical models and source-spheres are described, as well as additional emotional meaning of the metaphors, that reveals the author's attitude to the "Grand Prince of Moscow".*

KEY WORDS: *conceptual metaphor; political discourse; lingo-culture; Middle Ages; inner world.*

К числу основных направлений политической лингвистики относится рассмотрение специфики функционирования ключевых концептов русской культуры в рамках политической коммуникации. Значимые для определенной лингвокультуры кон-

цепты активно употребляются и в рамках политического дискурса, в котором они, помимо своего универсального содержания, обогащаются новыми красками и выполняют особые функции.

Бесспорно, одним из центральных для русской культуры является концепт «душа». Уже в работах Анны Вежбицкой было отмечено, что «особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в трех уникальных понятиях русской культуры ... *душа, судьба и тоска*, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература» [Вежбицкая 1997: 33]. Не является исключением и политический дискурс, в котором концепт «душа» обогащается новым содержанием. Так, выдвигая те или иные концепции, политики зачастую обращают внимание избирателей на их созвучность национальному миросозерцанию, культурным традициям, духу народа и русской душе в частности, а на выборах призывают прислушиваться к голосу души и сердца (ср. призыв: *Голосуйте сердцем*). Особую роль теории русской души в политических стратегиях нашей страны отмечают и западные обозреватели [см. напр.: Пар 2010]

Не вызывает сомнений, что настоящее — это следствие прошлого, и поэтому вполне оправдан и закономерен интерес исследователей синхронного состояния языка к фактам его истории, определяющим современные векторы развития. Необходимо изучать историю формирования отдельных концептов, особенности их репрезентации в языке разных эпох. Как отмечает А. П. Чудинов, политическая лингвистика нуждается в работах, сосредоточенных на историческом изучении языкового материала, «только такой подход позволит правильно оценить современное состояние политического языка, проследить за динамикой метафоры, обнаружить истоки (они же корни) многих современных феноменов» [Чудинов 2001: 219].

Задача настоящего исследования — рассмотреть особенности языковой репрезентации концепта «душа» и основные функции данного концепта в средневековом политическом дискурсе. Материалом исследования послужили политические тексты XVI в., а именно произведения Андрея Курбского — его послания к Ивану Грозному и примыкающий к ним

в идеологическом отношении политический памфлет «История о великом князе Московском».

Эпоха правления Ивана Грозного характеризовалась укреплением централизованного государства, реформами, появлением государственных деятелей широкого размаха. Это период авторитаризма: никто не смел высказывать суждений, не согласных с тем, что утверждал Грозный, только бежавший из России князь Курбский решился сформулировать свою позицию. Грозный и Курбский были крупнейшими фигурами на общественно-политической арене своего времени, выразителями характернейших политических взглядов: первый — приверженцев сильной царской власти, второй — оппозиционных слоев населения, и в первую очередь боярства.

Андрей Курбский был не только выдающимся политиком, но и писателем с ярким индивидуальным метафоричным стилем изложения. В его произведениях впервые в центре внимания русской литературы оказалась и государственная деятельность, и *личность* первого русского царя. Названные факты обусловили выбор произведений князя Курбского в качестве лингвистического источника.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что душа представляет собой объект «невидимого мира», и потому отображение ее свойств возможно лишь путем выявления сходства по ряду параметров с некоторыми вполне материальными объектами, т. е. основным способом языковой репрезентации данного концепта является концептуальная метафора. Андрей Курбский, обращаясь к концепту «душа», также использует метафоры, чтобы выявить основные особенности данной идеальной сущности. Наиболее распространенными в изученном материале являлись концептуальные метафоры, восходящие к сферам-источникам «Человек», «Животный мир», «Религия».

1. СФЕРА-ИСТОЧНИК «ЧЕЛОВЕК». Процесс концептуализации внутреннего мира происходит на базе знаний и представлений о человеке как живом существе. Человек запечатлел свой облик в языке, познавая мир, он наделяет его объекты своими свойствами. Душа представляется в народном сознании неким живым существом, которое живет своей жизнью, обладает индивидуальным обликом и характером, что

позволяет определить ее как некоего «внутреннего человека».

1.1. Фрейд «Жизнь/смерть». Лексика жизнедеятельности биологических организмов на протяжении всего периода развития языка становилась источником метафоризации самых разнообразных сфер действительности, в том числе и внутреннего мира человека. Как отмечает Л. В. Балашова, «в центре этой когнитивной модели лежит представление о жизни как о бытии чего-либо» [Балашова 1998: 122].

В древнерусской культуре 'жизнь' души связывается с Богом, вне Бога существование души невозможно. Также прослеживается четкое различие судьбы праведных и неправедных людей: не подвержены смерти только души праведников. Показательно, что Грозный, много рассуждая в своих посланиях к Курбскому о жизни и гибели души, воспринимает собственную душу как живую, действующую, цитируя при этом фрагмент Священного Писания: *аще убо сие от отца твоего, диявола, восприимъ, много ложными словесы своими сплетаеши, яко воры ради избежалъ еси — и сего ради живъ Господь Богъ мой, и жива душа моя* (И. Грозный. «Первое послание Курбскому»).

Князь Курбский, напротив, уже с первого послания последовательно создает образ 'погибающей' души Грозного: *аще и тмами хвалишися в гордости своей и при временном сем скоротекущем веце умышляеши на христианский род мучительныя сосуды, паче же наругаешися, попирающе аггелский образ, согласующим ти ласкателем и товарищем трапезы, бесогласным твоим боляром и губителем души твоей и телу, и детми своими паче же Кроновых жерцов действуют* (А. Курбский «Первое послание Ивану Грозному»). Причиной 'гибели' души становится гордыня, неправедный образ жизни, прислушивание к словам коварных советников, нежелание покаяться в совершенном.

1.2. Фрейд «Питание». Для поддержания 'жизни' души, как и любое живое существо, необходимо питать. Но если истинной 'пищей' души является молитва, слова святых отцов, то Грозный насыщает свою душу 'пищей' вредной, ядовитой — суетными развлечениями и пением скоморохов: ***вместо богодухновенных книг и молитвъ священных, имже душа твоя бессмертная наслаждалася и слухи***

твои царские освящались, — скоморохов со различными дудами и богоненавистными бесовскими песнями, ко осквернению и затворению слуха входу ко феологии? (А. Курбский «Третье послание Ивану Грозному»). Такая 'пища' разрушает душу, ведет к ее гибели.

1.3. Фрейм «Здоровье/болезнь» основан на представлениях о нормальной и нарушенной жизнедеятельности организма. В. В. Колесов отмечал, что «древний русич до XVI в. здоровьем считал не физическое, а душевное, моральное благополучие; состояние, противоположное недугу, он понимал как благо, как дар и награду за душевное свое здоровье» [Колесов 2000: 103].

Душа Ивана Грозного страдает, с точки зрения Курбского, тяжелым кожным заболеванием — проказой. Уже в Библии существовала специфическая метафора 'нечистоты' как заболевания кожного покрова, своим возникновением обязанная евангельскому сюжету об исцелении (очищении кожи) прокаженного. Итоговое напутствие «Иди и больше не греши», «по существу, является метафорой нравственного очищения» [Яковлева 2000: 204].

В сознании верующего существовала устойчивая метафора «проказа → нравственная нечистота», и 'прокаженная' душа демонстрирует нравственную деградацию человека: *ему негли подобно и он блаженный, лстець истиннь, умыслил, яко и последовало дело, иже **душу его от прокаженных ран исцелил и очистил был** и развращенный умъ исправил, темъ и овым наставляюще на стезю правую* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»); *и вкратце рекше, целит недужных, **очищает прокаженных, не телесы, но душами**, возвращает заблудших, подъемлюще на рамена и приводяща ко Христу, первому пастырю, уловивши воистину от сетей диявольских* (А. Курбский «История о великом князе Московском»).

Кроме того, душа Грозного страдает от другого, не менее страшного заболевания — 'чумы': *ибо того ради славные и нарочитые исправление великихъ мужей от мудрыхъ чело- вековъ историями описавшеса, да ревнують им грядущие роды, а презлых и лукавых пагубные и скверные дела того ради написаны, иже бы стреглись и соблюдались от них*

человецы, яко от смертоносныхъ ядовъ или поветрия (чумы — О. К.), не **только телесного, но и душевнаго** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Показательно, что Курбский акцентирует внимание именно на 'заболеваниях' души у оппонента, деятельность которой скрыта от взгляда и непостижима, соответственно вылечить ее гораздо сложнее, а с учетом тех страшных болезней, которые приписываются душе (проказа и чума), и вовсе невозможно.

Основным средством избавления от болезни является искреннее покаяние в грехах и молитва — это лучшее 'лекарство' от недуга: *приими божественный антидот ... егда же кто того лекарства внутренним человеком вкусит, яко рече Златоустый, пишучи во первом слове страстном о Петра апостола покаянию: по вкушению того посылаются молитвы ко Богу умиленные „через послы слезные“* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Как уже было отмечено, в большинстве случаев 'заболевания' души политического противника являются крайне тяжелыми, они давно перешли в хроническую запущенную форму, и потому практически неизлечимы. У больного началась 'гангрена', поэтому попытки лечения, которые могут дать хоть какой-то шанс на положительный результат, должны быть только хирургическими, необходимо вырезать больные ткани: *то же воистинну и врачеве премудрые творят: дикие мяса и неудобь целимые гагрины бритвами режутъ аж до живаго тела и потомъ наводятъ помалу и исцеляють недужных. Тако же и он творилъ, презвитер блаженный Селивестръ, видяще недуги твои душевные, многими леты застаревшия и неудобны ко исцелению* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Таким образом, используемые А. Курбским морбиальные метафоры отличаются наиболее сильным воздействием, в результате перед нами предстает образ И. Грозного как человека не просто тяжелобольного, но обреченного, внутренний мир которого совершенно разрушен болезнью, а потому шансов на исцеление и адекватность руководства государством с его стороны практически нет.

2. СФЕРА «МИР ЖИВОТНЫХ». Зооморфные метафоры Курбский использует для антонимической характеристики

души Грозного в начальный период его правления и в более поздние годы. Первоначально душа Грозного была чиста. Для иллюстрации этого Курбский использует метафору «душа Грозного — голубица»: *и царская душа в той церкви (теле — О. К.), яко голубица крылы посребренными, между же рамя ея блисталася, пречистейши и пресветлейше злата, благодатию Духа Святого преукрашенна* (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»). Апелляция к образу голубицы не случайна: голубь с древнейших времен выступал символом чистоты и непорочности.

Для характеристики позднего Грозного Курбский использует образ мифического зверя — дракона: *О сопоспешниче перваго зверя и самого великого дракона, якоже искони сопротивляется Богу и ангелом его, погубити хотяще всю тварь Божию и все человеческое естество! Поколь такъ долго не насытишися крови християнские, попирающее совесть свою?* (А. Курбский. Третье послание Ивану Грозному).

В «Истории о великом князе Московском» Курбский развивает данный образ, говоря, что есть два дракона — внешний и внутренний, т. е. дракону уподобляется и Грозный, и его душа: *азъ же реку нечто поистинне деръзостнейши: положил бы некто два драконы ядовитыхъ и виделъ ихъ единого вне, а другаго внутрь. Которого жъ бы удобнее было устрещися, внешнего или внутреннего?* (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Поскольку дракон традиционно носитель злого, порою сатанинского начала, с помощью аналогии «Грозный (его душа) — дракон» Курбский акцентирует такие качества политического противника, как безжалостность, жестокость и кровожадность.

3. СФЕРА «РЕЛИГИЯ». Сознание средневекового человека, как известно, было сугубо религиозным. Церковь в те времена имела первостепенное значение в жизни людей. Как особый социальный институт церковь выполняла функцию жесткой регуляции всей жизни человека, его поведения, мыслей и чувств, и человек непременно оценивал окружающий мир с позиций, предлагавшихся христианской религией.

3.1. Фрейм «Праведное/греховное». Не вызывает сомнений, что праведность — неотъемлемая характеристика

истинного христианина, тем более обязательна праведность души и сердца для человека, стоящего во главе государства: **Царь, аще и почтень царствомъ, а даровании, которых от Бога не получил, должен искати добраго и полезнаго совета не токмо у советниковъ, но и у всеродныхъ человекъ, понеже дар духа даеця не по богатеству внешнему и по силе царства, но по правости душевной, ибо не зрит Богъ на могущество и гордость, но на правость сердечную и даетъ дары, сиречь елико хто вместит добрымъ произволениемъ** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Грозный не соответствует данному эталону. Его душа развращена советниками и приспешниками: **о безумие человеческое, наипаче же развращенные души от похлебников, или от любимых маньяков твоих!** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

Именно как утрату праведности, отступление от православия, попрание Христовых заповедей трактовал Андрей Курбский злодеяния Ивана Грозного.

3.2. Фрейм «чистый/грязный». В средневековой культуре чистота являлась одной из наиболее значимых характеристик, ей придавалось сакральное значение. Чистота мыслилась в древности как «одна из конкретных реализаций „хороших“, „идеальных“, требуемых — эталонных, образцовых — качеств предмета, а именно как его „первозданность“: неиспорченность, незамутненность, незагрязненность посторонним — в е ш н и м — вмешательством. *Чистый X* — это X как он есть и как он д о л ж е н быть по некоему идеальному замыслу: ...*чистое сердце, чистое житие* естественно могли быть проинтерпретированы по этому же типу ‘свободы от порчи’» [Яковлева 2000: 210].

В церковнославянском переводе Библии слово *чистота* употребляется не только в прямом значении, но для обозначения свободы от греха, праведности, а очищение связывается именно с избавлением от бремени грехов. Таким образом, первичное значение лексемы *чистый* ‘не имеющий пыли, грязи или пятен’ переносится на абстрактные понятия и становится одним из наиболее значимых параметров в характеристике образа жизни человека и его внутреннего мира.

Андрей Курбский в ряде произведений сравнивает образ Грозного на начальном этапе его правления, в период завоевания Казани, и в позднейший период, используя для этого оппозицию «чистый/грязный». Первоначально душа Грозного была чиста. Для иллюстрации этого Курбский использует метафоры «тело — это церковь» и «душа Грозного — голубица» (см. выше): **в нейже** (телесной церкви. — О. К.) **некогда Духъ Святойъ пребывалъ, яже по прехвальномъ покаянью была вычищена и чистыми слезами измыта, от неяже чистая молитва, яко благоуханное миро или фимияна, ко престолу Господню возходила; в нейже, яко на твердомъ основанью правоверные веры, благочестивые дела созидашася, и царская душа в той церкви, яко голубица крылы посребренными, между же рамя ея блисталася, пречистейши и пресветлейше злата. ... Се такова твоя прежде бывала церковь телесная!** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

В дальнейшем Грозный, по мнению Курбского, попадает под влияние плохих советников, отдаляется от праведной жизни, увязает в пучине грехов, что приводит к 'загрязнению' бессмертной души и его телесной церкви нечистотами: **егда же развращенныи и прелукавыи развратиша тя, сопротив обрелся еси и по такомъ покаянью возвратился еси на первую блевотину за советом и думою любимых твоих ласкателей, егда церковь твою телесную осквернили различными нечистотами, ноипаче же пятоградные гнусности пропастию и иными бесчисленными и неизреченными злодействы** (А. Курбский. «Третье послание Ивану Грозному»).

'Очищение' души и ума возможно только после осознания собственной греховности и покаяния, возвращения на истинный путь: **и последовало дело, иже душу его от прокаженных ран исцелил и очистилъ был и развращенный умъ исправил, темъ и овымъ наставляюще на стезю правую** (А. Курбский. «История о великом князе Московском»).

Таким образом, именно внутренняя чистота становится фактором, детерминирующим существование человека. 'Загрязненные' душа и ум являются нарушением нормы, отклонением от эталона, и соответственно создают отрицательный образ политического деятеля.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы:

1. Основным способом репрезентации души в произведениях Андрея Курбского являлась концептуальная метафора, позволяющая выявить базовые свойства души через аналогии с объектами физического и идеального миров. Основными сферами метафорической экспансии в данный период служат три сферы: «Человек», «Мир животных» и «Религия», — каждая из которых реализует значительное количество метафорических переносов.

2. Андрей Курбский сопоставляет состояние души Грозного в начальный период его правления (метафоры чистоты, голубицы) и в последующие годы (метафоры дракона, грязи, болезни и духовной смерти).

3. В интерпретации Курбского, внутренний мир Грозного может быть охарактеризован преимущественно отрицательно маркированными метафорами, что создает негативный образ самодержца всея Руси.

4. Используемые А. Курбским метафоры вызывают эмоциональное отторжение, а значит, отрицательный образ правителя становится особенно действенным. Перед нами предстает образ И. Грозного как человека греховного, безумного, не просто больного, но обреченного, внутренний мир которого деформирован и совершенно разрушен болезнью, поэтому бесполезно ожидать от него разумных действий в управлении государством.

В заключение следует отметить, что метафорическая репрезентация концепта «душа» в политическом дискурсе Андрея Курбского становится важным средством создания образа его политического противника. А. Курбский описывает состояние души Ивана Грозного, оценивая его с точки зрения соответствия/несоответствия некоему эталону, обязательно для правителя Руси, избранного Богом и являющегося образцом для своих подданных. Создавая образ греховной, порочной, больной, погибающей души Грозного, Курбский постоянно демонстрирует его несоответствие эталону истинного правителя.

ЛИТЕРАТУРА

Балашова Л. В. Метафора в диахронии: на материале русского языка XI—XX вв. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1998.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. — М. : Русские словари, 1997.

Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. — СПб. : Филол. ф-т С.-Петербург. гос. ун-та, 2000.

Рар А. Душа нараспашку: в том, что касается внешней политики, Россия хочет быть уникальной (“Russia Profile”, Россия). URL: <http://www.inosmi.ru /politic/20100712/161237299.html>.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале : когнитивное исследование политической метафоры (1991—2000) : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург : Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Яковлева Е. С. О концепте *чистоты* в современном русском языковом сознании и в исторической перспективе // Логический анализ языка: языки этики / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М. : Языки русской культуры, 2000. С. 200-216.

ИСТОЧНИКИ

Курбский А. История о великом князе Московском // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 310-480.

Переписка Андрея Курбского с Иваном Грозным // Библиотека литературы Древней Руси / под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексева, Н. В. Поньрко. — СПб. : Наука, 2001. Т. 11 : XVI век. С. 14-102.